

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА И ОСТРАНЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

TRANSLATION STRATEGIES AND ESTRANGEMENT IN FICTION

М.Ю. Михеев (m-miheev@rambler.ru)
НИВЦ МГУ, Москва,

Д.О. Добровольский (dm-dbrv@yandex.ru)
Институт русского языка РАН, Москва

Рассмотрены, с одной стороны, трудности, возникающие при переводе на немецкий текстов Достоевского и разные стратегии, которых может придерживаться переводчик. С другой стороны, трудности при переводе текстов Платонова (на французский, немецкий, английский) с необходимостью передачи случаев авторских нарушений языковой сочетаемости, когда в одном и том же "остраненном" выражении сплавлены воедино смыслы нескольких привычных языковых сочетаний.

1. Цель данной работы – обсудить некоторые проблемы перевода художественных текстов, связанные с принципиальной уникальностью определенных языковых структур. Исчисление подобных структур – задача, значимая не только с переводоведческой, но и с чисто лингвистической точки зрения, поскольку ее решение способствовало бы лучшему описанию системных возможностей сопоставляемых языков. Изучение переводов помогает лучше понять базовые особенности построения текста на языке оригинала. Каждому языку присущи те или иные узально закрепленные способы описания ситуации и организации дискурса. Подобные специфические черты В.Г. Гак называет "национальными стилистическими особенностями языка". Эти особенности выявляются, прежде всего, при сопоставлении текстов, написанных на соответствующем языке, и их переводов на другие языки.

Способ перевода лингвоспецифических структур на другие языки во многом зависит от установки переводчика, выбора им той или иной стратегии. В литературе по теории перевода указывается на то, что литературный перевод может в принципе преследовать разные цели. Он ориентируется (а) либо на восприятие оригинала в эпоху его создания, (б) либо на его восприятие современным читателем. Иными словами, если речь идет о художественном произведении прошлых веков, перевод типа (а) должен последовательно игнорировать все языковые особенности оригинала, связанные со спецификой узуса в соответствующую историческую эпоху, так как читатель того времени не воспринимал их как маркированные. Напротив, перевод типа (б) должен учитывать все подобные моменты, поскольку современный читатель воспринимает их как существенные языковые особенности, отличающие оригинал от текстов, написанных в соответствии с ныне действующими нормами. С необходимостью принятия подобных решений переводчик сталкивается, например, при работе с произведениями русской классической литературы XIX века (такие случаи обсуждались в наших предыдущих работах; ср., например, [Добровольский 2002]). Совершенно иначе дело обстоит при переводе произведений, характеризующихся неповторимым авторским стилем. Отклонения от стандартных способов выражения, обусловленные индивидуальным стилем (по крайней мере, теоретически, т.е. в случаях, когда их можно выделить более или менее достоверно), обладают большим весом, нежели отклонения, обусловленные динамикой узуса. Сохранение элементов авторского стиля при переводе остается на сегодня одной из труднейших, не алгоритмизуемых задач. Именно эти проблемы стоят в центре нашего внимания в данной статье.

2. В предыдущих публикациях [Добровольский 2002; 2003; 2004] мы обсуждали некоторые моменты, связанные с этой проблематикой. На материале корпуса параллельных текстов, создаваемого в Австрийской академии наук в рамках проекта "Корпус Австрийской Академии" (Austrian Academy Corpus – AAC), было показано, что при переводе "трудных мест" переводчики прибегают к принципиально различным стратегиям. Сложности, которые "трудные места" представляют для перевода, могут объясняться как системными различиями между соответствующими языками (в том числе и различиями в "национальных стилистических особенностях"), так и отклонениями от ныне действующих узальных норм. Подобные девиации, в свою очередь, могут быть обусловлены, с одной стороны, особенностями индивидуального стиля автора и быть связанными с решением художественных задач, а с другой – изменениями, произошедшими в узусе со времени создания исследуемого произведения.

Приведем пример.

(1) *Камердинер с сочувствующим интересом следил за ним, так что оторваться, кажется, не хотелось; может быть, тоже был человек с воображением и попыткой на мысль.* [Идиот]

(2) *Der Kammerdiener hatte ihm mit teilnahmsvollem Interesse zugehört, als könne er nicht genug bekommen; vielleicht war er auch ein Mensch mit Vorstellungskraft, der zu denken versuchte.* [Geier]

(3) *Der Diener lauschte ihm mit lebhafter Anteilnahme, offensichtlich nicht mehr entschlossen, das Gespräch abubrechen; vielleicht besaß auch er eine rege Vorstellungskraft und einen Hang zur Nachdenklichkeit.* [Herboth]

(4) *Der Kammerdiener hatte ihm mit großer Teilnahme und noch größerem Interesse zugehört, und hing mit den Blicken an ihm, als könne er sich nicht von ihm losreißen. Vielleicht war dieser Bediente als Mensch nicht ohne Phantasie und Denkvermögen.* [Rahsin]

Контекст (1) содержит выражение с *попыткой на мысль*, явным образом отклоняющееся от узуальных норм современного русского языка. Немецкие переводы этого контекста (2), (3) и (4), хотя и отличаются друг от друга, прибегают к вполне стандартным с точки зрения современного немецкого узуса способам передачи смысла этого выражения. В (2) это буквально *который пытался думать*, в (3) – *со склонностью к размышлениям* (заметим, что этот перевод наименее точен и по сути), в (4) – *не без способности мыслить*. Есть все основания полагать, что выражение с *попыткой на мысль* ощущается как нестандартное, скорее потому, что представляет собой чисто авторское словосочетание, чем потому, что нормы сочетаемости претерпели изменения, т.е. причиной нестандартности является не архаичность выражения, а его индивидуальная маркированность.¹ Это значит, что и перевод, ориентированный на восприятие оригинала в эпоху его создания (тип (а)), и перевод, ориентированный на его восприятие современным читателем (тип (б)) должны были бы каким-то образом отразить необычность данного выражения. Тем не менее, этого не происходит. Ни один из проанализированных переводов не выходит за рамки современных узуальных норм, хотя в принципе буквальный перевод был бы возможен. По-немецки он звучал бы крайне непривычно, но и русский оригинал воспринимается как отмеченный (и, по-видимому, воспринимался так и в эпоху создания романа). Видимо, в определенных случаях близкий к дословному перевод, если он требует нарушения норм сочетаемости языка-цели, оценивается переводчиками и/или читателями как неприемлемый, хотя он представляется допустимым и даже, может быть, наиболее точным с теоретической точки зрения. В таких случаях противопоставление стратегий (а) и (б) оказывается нерелевантным.

Понятно, что при ограничениях, накладываемых системными свойствами сопоставляемых языков, возможности варьирования в переводе практически сводятся к нулю. Например, если тот или иной предикат изменил в языке-источнике модель управления, мы имеем дело с определенным изменением языковой системы. Ср. устаревшее управление глагола *огрбить* в следующем контексте из "Братьев Карамазовых": *Ведь унеси он этот пакет с собою, то никто бы и не узнал в целом мире, что был и существовал пакет, а в нем деньги, и что, стало быть, деньги были ограблены подсудимым.* Перевод устаревшего управления допустим лишь в тех (теоретически возможных, но практически маловероятных) случаях, когда язык-цель обнаруживает аналогичные изменения модели управления данного предиката. С другой стороны, прагматические конвенции, действующие в языке-цели, могут быть сознательно нарушены, если цель перевода – показать, что читатель имеет дело с переводом.

В области синтактики непереводаемыми оказываются не только отступления от современных грамматических правил, но явные отклонения от ныне действующих норм узуальной сочетаемости; ср. раздел 3. Хотя в принципе можно представить себе перевод, дословно следующий всем сочетаемостным "странностям" оригинала, подобные случаи в нашем материале практически не встречаются.

Анализ различных переводов одного и того же произведения показывает, что с достаточной степенью уверенности можно говорить лишь о двух противостоящих друг другу стратегиях: это либо

- техника перевода, ориентированная на максимально адекватную передачу смысла (назовем ее *стратегия смысла*) и

- техника перевода, ориентированная на передачу особенностей формы (назовем ее *стратегия формы*).

Переводчик, следующий принципам *стратегии смысла*, сознательно устраняет все препятствия на пути понимания текста и жертвует, таким образом, теми особенностями его формы, которые могут вызвать затруднения понимания. Это не означает, что в переводе такого типа не сохраняется никаких индивидуальных языковых особенностей оригинала. Все, что оказывается переводимым в рамках действующих норм без ущерба для понимания мысли автора, сохраняется в переводе. Поскольку в переводе такого типа малопонятные места (как и места, тормозящие восприятие содержания) сознательно устраняются, результат представляет собой текст, выполненный в традициях *covert translation*; ср. [Reiß 1995]². Таким образом, *стратегия смысла* является объединяющей категорией для целого ряда типов перевода.

Следуя принципам *стратегии формы*, переводчик, напротив, часто вынужден жертвовать смысловой прозрачностью в угоду максимальной точности при передаче нетривиальных особенностей построения текста, его отдельных характерных элементов и пр. Эти нестандартные особенности текста могут быть как маркерами

¹ Данное словосочетание не встретилось более ни разу ни в произведениях Достоевского, ни в других доступных нам в электронной форме текстах XIX века.

² Под *covert translation* понимается такой перевод, который "выдает себя" за текст, написанный по правилам языка-цели, в то время как *overt translation* дает понять читателю, что он имеет дело с переводом, т.е. с текстом, изначально созданным в рамках иной языковой и культурной традиции.

индивидуального стиля автора, так и языковыми структурами, характерными для эпохи создания оригинала. Последние менее значимы для следования идеалам верности оригиналу, чем первые. Тем не менее, на практике их бывает трудно различить. Таким образом, будучи ориентированным на языковую форму, перевод данного типа является не просто продуктом реализации филологической стратегии, но и имитирует восприятие оригинала скорее современным читателем, чем читателем второй половины XIX века. Поскольку результирующий текст с неизбежностью содержит маркеры принадлежности к языку и культуре, чуждым для читателя, перевод, выполненный в соответствии с принципами *стратегии формы*, – это всегда *overt translation*.

Понятно, что ни стратегия смысла, ни стратегия формы не встречаются в реальной переводческой практике в абсолютно чистом виде. Это скорее теоретические конструкции, которые помогают построить соответствующую типологию и построить лингвистически значимую теорию перевода.

3. Обратимся к роману А. Платонова «Чевенгур» и его переводам. Поскольку тексты Платонова изобилуют синтаксическими нарушениями [Михеев 2003], они представляют собой благодатный материал для исследований, ориентированных на вскрытие переводческих трудностей. Платоновская проза показывает, что перевод уникальных авторских сочетаний иной раз ставит перед переводчиком задачу непосильной сложности, однако достижения, удачные находки в этой области следовало бы фиксировать, чтобы использовать в дальнейшем. Можно было бы создать специальный банк трудных случаев, накапливая варианты параллельных мест – в словаре так называемых «переводных эквивалентов» или «прецедентных переводов» [Михеев 2004].

Естественно, что в переводе с языка **а** на язык **б** происходят потери или приобретения смыслов. Вот несколько загадочных и привлекательных для русского уха и глаза фраз, которые в переводе, к сожалению, многое теряют (ключевые для перевода фрагменты выделены жирным). В угловых скобках через знак + приводятся побочные, коннотативные смыслы. Кроме фраз русского оригинала [Платонов 1989] приводятся их переводы на французский (а также, для сравнения, на немецкий и английский языки). Буквами М обозначены – перевод Луи Мартинеза, Л – Ренаты Ланда, Ч – Роберта Чандлера, Э – Анни Эпельбуан, П – Людмилы Пружанской. В квадратных скобках дается буквальный смысл перевода, в обратном переводе на русский. В верхних цифровых индексах ведется условный подсчет смыслов: целыми числами обозначаются полноправные смыслы (входящие в ассерцию толкования), а дробными “полуправные” – коннотативные или ассоциативные. Весь вопрос и вся сложность перевода в том, как совместить в едином компактном выражении несколько смыслов из текста-оригинала. Существует ли в языке переводчика – или: будет ли в нем найдено, построено, выращено, синтезировано – выражение, которое позволит дать их одновременно, при этом не слишком деформируя сам язык, не слишком «остраняя» его³. Ответ на сформулированный вопрос оказывается, как правило, отрицательным. На отдельных исключениях мы остановимся ниже.

(1) *В следующие годы Захар Павлович все более приходил в упадок.*

Вообще говоря, о человеке нельзя сказать, что он *приходит в упадок*, и в платоновской фразе закономерно возникает следующий побочный, наведенный смысл: <как будто человек был учреждением, отдельным населенным пунктом, целым государством, существующим где-то на задворках культуры, или, как сказано в его тексте, на *опушке провинциального города*>. Вот французский перевод:

М Les années suivantes Zakhar Pavlovitch ne cessa de baisser. [не прекращал опускаться, все более и более дряхлел]

Смысловой довесок, о котором шла речь, в данном случае теряется. Сохранен лишь только один главный (ассертивный) смысл: обозначим это следующим образом:

$$a^{1+0,5} \rightarrow b^1$$

То есть перед нами случай обеднения смысла, снятия его ассоциативных и, естественно, стилистических обертонів. Вот немецкий перевод:

Л In den folgenden Jahren **verfiel** Sachar Pawlowitsch **immer mehr**. [verfallen – 1) разрушаться, приходиться в упадок (о постройке) 2) слабеть, терять силы (о больном)...]

Тут есть хоть намек на сохранение двух значений. Другой пример:

(2) Чтобы не умереть одному, он **завел себе** невеселую подругу - **жену** Дарью Степановну.

О жене по-русски нельзя сказать *завел себе*: получается, как будто герой <завел себе собаку, котенка или черепаху, только чтобы не быть в одиночестве>. Вот перевод:

М Pour ne pas mourir seul il **prit pour compagne** sans gaieté celle qui devint **sa femme**, Daria Stepanovna.

В данном переводе сказано только, что у героя [появилась безрадостная подруга, которая стала его женой], то есть исходный смысл явно сужен. Но в немецком еще изменяется и сам порядок действий – вместо «жены» только как грамматического приложения к «подруге» первая выходит и на первый план:

Л Um nicht einsam zu sterben, **nahm** er Darja Stepanovna **zur Frau** und hatte nun eine misslaunige **Freundin**.

³ Остранение понимается по В.Шкловскому, который в «Теории прозы» писал: "Приемом искусства является прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен. Прием остранения у Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее как в первый раз виденную, а случай как в первый раз происшедший".

Немецкая коллокация *jmdn. zur Frau nehmen* означает просто «взять в жены кого-л.»: в этом переводе дополнительный смысл, содержащийся в русском *завел себе*, не сохранен:

$$a^{1+0,5} \rightarrow b^1$$

(3) Он утратил все – **разверстое небо** над ним ничуть не изменилось от его долголетней деятельности, он ничего не завоевал для оправдания своего ослабевшего тела, в котором напрасно билась какая-то главная сияющая сила.

Тут <небо рас-крытое, рас-пахнутое, раз-давшееся в стороны + при этом как бы поделенное на каждого из смертных поровну (если уточнить слово *разверстывать* по словарю Даля, то это: ‘дѣлить поравну или по скольку приходится, раскладывать подати по душамъ, уравнивать наделомъ зѣмли’, – этот смысл был подхвачен и оживлен словом *продразверстка*>.

М *Il avait tout dissipé – le ciel béant au-dessus de lui n'avait nullement changé du fait de sa longue activité, il n'avait rien conquis qui put donner une justification à son corps affaibli, ou palpitait vainement une sorte de force capitale et radieuse.*

Есть ли в *béant* [зияющий, широко открытый, разверстый, распахнутый] два смысла? – Вряд ли, скорее всего, так же как и в немецком:

Л *Er hatte alles eingebüsst – durch seine langjährige Tätigkeit hatte sich der offene Himmel über ihm keinen Deut verändert, er hatte nichts erkämpft zur Rechtfertigung seines geschwächten Körpers, in dem sich vergebens eine wichtige leuchtende Kraft abplagte.*

$$a^{1+0,5} \rightarrow b^1$$

(4) *На вокзале Дванов почувствовал тревогу заросшего, забвенного пространства.*

Из-за омонимии родительного объекта и субъекта, часто используемой Платоновым, совмещены <боязнь пространства, страх открытого места, что-то вроде агорафобии и – тревога самого пространства, может быть, оттого что его оставили в забвении, в запустении>, то есть, с одной стороны, тревогу испытывает человек, а с другой, на нее же накладывается и тревога самого пространства, как бы излучающаяся извне.

М *À la gare Dvanov se sentit inquiet devant un espace oublié et embroussaillé.*
[espace oublié – сочетание зафиксированное в текстах, а вот espace embroussaillé – нет, но тоже вполне понятное, представимое как смысловое целое: так как débroussailler – очищать от валежника, кустарника (например, в сочетании ~un chemin, но и в переносном смысле: ~un texte – ‘дать понимание’, ~un question difficile – разобраться в трудном вопросе); embroussaillé – поросший кустарником, запутанный ~un fossée, ~des cheveux]

$$a^{1+0,5} \rightarrow b^1$$

Более удачным представляется:

П *À la gare, Dvanov éprouva une angoisse d'un espace oublié et embroussaillé.*

Немецкий:

Л *Auf dem Bahnhof fühlte Dwanow die Unruhe des verwucherten, vergessenen Raums.* [почувствовал тревогу пришедшего в запустение (заросшего сорняком) забытого пространства]

Тут амбивалентность, связанная с омонимией родительного объекта и субъекта, сохранена, но в целом создается впечатление, что некий важный дополнительный смысл, присутствующий в оригинале, потерян. Видимо, дело в том, что *vergessen* – это не *забвенный*, а просто *забытый*. Следовательно, *vergessener Raum* вряд ли может осмысляться как субъект тревоги.

Еще более заметны потери смысла в примере

(5) Город **опускался** за Двановым **из его оглядывающихся глаз в свою долину**, и Александру жаль было тот одинокий Новохоперск, точно без него он стал еще более беззащитным.

<Дванов покидает город и оглядывается на него, глаза фиксируют, как город постепенно уходит из поля зрения, опускаясь вниз + город перестает быть близким Дванову, возвращаясь после их встречи к себе в долину, восвояси, как живое существо, + глаза как бы сами оборачиваются, независимо от Дванова>.

М *Devant les oeillades de Dvanov la ville s'abaissait au fond de sa cuvette et Alexandre eut pitié de se solitaire Novokhopersk; comme si, sans lui, il se trouvait encore plus démuné.*

$$a^{1+0,5+0,25} \rightarrow b^1$$

Э *La ville, derriere Dvanov, quittait le champ de ses regards et rentrait s'affaïsser dans la vallée...* [нормально было бы употребить *champ du regard* – поле зрения]

Наверно это и следует назвать попыткой остранения при переводе:

$$a^{1+0,5+0,25} \rightarrow b^{1+0,5}$$

В черновом переводе на английский Роберта Чандлера:

Ч *Behind Dvanov the town was sinking into its valley, out of the reach of his eyes as he looked back, and Aleksandr felt sad for the lonely town of Nekhvoraiko, as if without him it had become still more defenseless.* [из-за единственного числа (he looked) исчезает смысл ‘глаза как бы сами оглядывались назад’. Кроме того из-за

замены сочетаний “город Новохоперск” на “город [погибшего ранее] Нехворайко” (Дванов наблюдает его похороны) смысл ‘теперь, когда Дванов уезжает, город остается беззащитным’ совмещен с выражением более стандартного ‘после гибели Нехворайко город стал беззащитным’]

Л Der Stadt hinter Alexander Dwanow **sank vor seinen zurückblickenden Augen in der Tal**, und ihm tat dieses einsame Nowochop’orsk leid, als wäre es nun ohne ihn noch schutzloser. [город позади Дванова опускался перед его оглядывающимися глазами в долину]

Бывают случаи, когда переводчик вынужден брать на себя еще более сложные решения:

(6) Жизнь его шла безотвязно и глубоко, словно **в теплой тесноте материнского сна**.

<будто в его собственном сне (он сам спал) + как будто он находится еще во чреве матери.>

М Sa vie marchait, collée à lui, profonde, comme **à l’étroit et au chaud d’un sommeil utérin**.

[*sommeil* – сон, дремота, сонливость (*sommeiler* = дремать, пребывать в бездействии); *utérin* – маточный, единоутробный. Допустимы и сочетания *au chaud d’un sommeil*, а также *sommeil utérin*]

Перевод представляется удачным, но тут прояснен один только коннотативный смысл, как бы выведенный на поверхность, став ассертивным по сравнению с русским:

$$a^{1+0,5} \rightarrow \mathfrak{b}^2$$

Л Sein Leben verlief beständig und tief, wie **in der warmen Enge des mütterlichen Schlafes**.

Здесь двусмысленность выражения *в теплой тесноте материнского сна* сохранена в полной мере, то есть имеет место столь редкий идеальный случай:

$$a^{1+0,5} \rightarrow \mathfrak{b}^{1+0,5}$$

4. Итак, по-настоящему непередаваемым в переводе оказываются не столько слова-реалии (как было принято думать), сколько определенные отклонения от языковой нормы. Это могут быть отклонения от литературного стандарта, на которые указывал В.Г. Гак, а также обсуждавшиеся девиации в области синтактики и связанные с ними нетривиальные приращения смысла. При этом оказывается не столь существенным противопоставление особенностей индивидуального авторского стиля и языка эпохи, хотя чисто теоретически можно было бы ожидать, что это противопоставление играет значительную роль при выборе техники перевода соответствующих контекстов. Даже те переводы, которые основаны на *стратегии формы* и стремятся (в отличие от переводов, следующих *стратегии смысла*) к максимальной точности при передаче языковых особенностей оригинала, не выходят за рамки нормы языка-цели, а следовательно, вынуждены сопоставлять нестандартным выражениям языка **а** более или менее стандартные выражения языка **б**.

Список литературы

1. Гак В.Г. Пушкинская проза и ее французский перевод // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1999. № 2, с. 18-29.
2. Добровольский Д.О. Перевод художественной прозы и проблемы лексической сочетаемости ("Идиот" Ф.М. Достоевского в немецких переводах) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2, 2002, с. 47-60.
3. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов как инструмент анализа литературного перевода. В: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конференции "Диалог 2003". М.: Наука, 2003, с. 126-131.
4. Добровольский Д.О. Лингвистические аспекты перевода художественной прозы (на материале романа Ф.М. Достоевского "Идиот") // Языки в современном мире. Материалы конференции. Том I. М.: МГУ, 2004, с. 30-45.
5. Михеев М.Ю. В мир А.Платонова – через его язык. Предположения, истолкования, факты, догадки. М.: МГУ, 2003.
6. Михеев М.Ю. Перевод на основе базы прецедентных словосочетаний, или переводных фрагментов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Междунар. конференции "Диалог 2004" М.: Наука, 2004, с.449-456.
7. Reiß K. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft: Wiener Vorlesungen. Hrsg. v. M. Snell-Hornby und M. Kadric. Wien, 1995.

Источники

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1973.
2. Платонов А.П. Чевенгур. Роман и повести. М.: Советский писатель, 1989.
3. [Л] – A. Platonow. Tschewengur. Übers. von Renate Landa. Berlin. 1990.
4. [М] – A. Platonov. Tchevengour. Trad. du russe par Louis Martinez. Paris. 1996.
5. [Geier] – Dostojewskij F. Der Idiot. Aus dem Russischen von Swetlana Geier. 3. Aufl. Zürich: Amman Verlag, 1996 (1. Aufl. 1996).
6. [Herboth] – Dostojewski F. Der Idiot. Aus dem Russischen von Hartmut Herboth. Berlin/Weimar: Aufbau-Verlag, 1994 // Dostojewski F. Sämtliche Romane und Erzählungen in 11 Bänden. (1. Aufl. 1986).
7. [Rahsin] – Dostojewski F.M. Der Idiot. Aus dem Russischen von E.K.R. In: Dostojewski F.M. Sämtliche Werke. Unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereschkoski, Dmitri Philossophoff und anderen. Hrsg. von Moeller van den Bruck. Erste Abteilung: Bde 3-4. München/Leipzig: R. Piper & Co. Verlag, s.a. [1910].